

УДК 330.342.146

Лобцова Оксана Викторовна
Oksana Lobtsova

Секисов Артур Геннадьевич
Artur Sekisov

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

CORRUPTION AS A SOCIO-POLITICAL SCENE

Рассмотрен подход к пониманию коррупции как социально-политического явления. Определена необходимость установления взаимосвязи административных структур с институтами гражданского общества в противостоянии коррупции

Ключевые слова: коррупция, социально-политическая сфера, органы власти, гражданское общество

The article describes «corruption» as socio-political phenomenon. The requirement to create a link between administrative structures and civil society to conform corruption is defined

Key words: corruption, socio-political field of activity, authorities, civil society

Проблема борьбы с коррупцией в последние годы стала одной из актуальных тем российской действительности, что обусловило резкое возрастание интереса к ней в обществе и властных структурах.

Понимание коррупции как явления социально-политической жизни характеризуется восприятием данного феномена в качестве специфической модели социально-политических отношений и не сводится исключительно к взяточничеству [5; С. 115]. Скорее, это специфическая разновидность девиантного поведения, обусловленного стремлением чиновников достичь неких эгоистических целей за счет недостатков в развитии институтов публичной власти посредством нарушения ролевых функций в системе государственного управления.

Имеющиеся отклонения в процессе реализации политической власти вырастают в определенную систему (иногда достаточно стройную и даже формализованную), что превращает коррупцию в один из механизмов принятия административных решений.

Интересно, что в центрах сосредоточения наиболее влиятельных властных институтов (как правило, столицах государств и субъектов федерации) сложившаяся коррупционная политическая сеть становится столь труднопреодолимой, что превращается в нечто совершенно естественное и привычное, извращая тем самым не только основы государственности, но и психологию отношений, формирующихся между управляющими и управляемыми.

В такой ситуации коррупция как явление, на первый взгляд юридическое, теснейшим образом коррелируется с ее пониманием в морально-этическом ключе. И хотя с точки зрения нормативизма подобное соотнесение может носить деструктивный характер, в практической жизни с ним необходимо считаться, вводя в антикоррупционную проблематику такие категории, как «честность», «прозрачность», «открытость» и т.п. [1; С. 6]

В результате концептуальных дискуссий о сущности коррупции в политико-

правовых науках оформились два подхода к пониманию феномена коррупции. Первый из этих подходов может быть назван формально-юридическим, поскольку в его рамках делается акцент на включенности коррупционных деяний в перечень преступлений и проступков, предусмотренных действующим уголовным и административным законодательством [3; С. 27]. Второй же подход может быть квалифицирован как социально-политический в силу того, что в его методологических рамках коррупция исследуется не столько как система должностных преступлений, сколько в качестве девиации ролевых функций любых субъектов, наделенных властными полномочиями [5; С. 54].

Формально-юридическая модель исследования коррупции базируется на признании того, что коррупция – это система противоправных действий властных субъектов, связанная с нарушением, прежде всего, специальных правовых норм, определяющих деятельность государственных органов и должностных лиц.

В рамках данной парадигмы коррупционным может быть признано только то действие, которое находится в сфере правового регулирования и может быть квалифицировано в соответствии со статьями Уголовного кодекса или Кодекса об административных правонарушениях как должностное преступление или правонарушение [3; С. 28].

В конечном счете, следует помнить, что при всей многогранности проблемы «коррупция как правовое явление», она безоговорочно связывается с процессом правового регулирования общественных отношений и абстрагирования от социально-психологических оценок этого явления с точки зрения морально-этических норм. Коррупция – это социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей.

Сторонники социально-политического подхода исходят из того, что взаимодействие между субъектом и объектом властных отношений осуществляется в рамках модели «принципал агент» [5; С. 45]. В качестве верховного принципала в демократическом государстве выступает народ. Агентом же является должностное лицо, которому принципал выдает некий мандат в виде системы полномочий и определяет через законодательство, для каких целей эти полномочия должны использоваться. Здесь следует упомянуть об особом положении во властной иерархии руководителей государственных органов, избираемых глав государств, субъектов федерации, глав муниципальных образований, которым присуща двойственность их статуса. По отношению к народу они выступают в качестве агентов, по отношению же к своим подчиненным они являются принципалом.

Но как бы то ни было, коррупция существует тогда, когда агент (должностное лицо, государственный орган и прочее) использует предоставленные ему принципалом полномочия для достижения не предусмотренных мандатом целей. Причем, совершенно неважно, получает ли агент за это какое-то вознаграждение, или же мотивация его поступков не определяется явной корыстью, что ярко прослеживается в случаях проявления «чистого» бюрократизма. Довольно подробно социально-политическая парадигма исследования коррупции рассмотрена в рамках Йельской правовой школы, яркой представительницей которой является С. Роуз-Акерман. Именно благодаря ей в политико-правовом лексиконе появилось понятие «политическая коррупция», противопоставленное коррупции «административной» [5; С. 83].

Следует отметить, что данная модель, на первый взгляд, осложняет процесс анализа коррупции как явления, поскольку сознательно снижает степень его формализованности. Такого рода действия властных субъектов довольно трудно квалифицируются как собственно коррупционные, поскольку их противоправный характер либо прослеживается крайне незначительно,

либо не прослеживается вовсе, что, безусловно, затрудняет процесс противодействия данным деструктивным тенденциям. Однако эвристическая польза такого подхода очевидна, поскольку именно данная модель дает возможность представить в качестве коррупционных и антисоциальных те явления, которые явно не могут быть квалифицированы как противоправные.

Данный подход помогает раскрыть нравственную основу корыстных действий властных субъектов и направить общественную активность на противодействие такой модели властвования.

Можно высказать предположение, что изначально сама категория «коррупция» находится в плоскости социально-политического бытия, нежели бытия юридического. Так, под коррупцией можно понимать определенную модель властвования, основанную на манипулировании социальными ожиданиями, признавая, что в процессе противостояния «коррозии» общества недостаточно участия только правоохранительных органов. Рассматривая коррупцию как интегрирующее понятие для целого ряда поступков и действий властных субъектов (причем, не обязательно политических), отклоняющихся не только от правовых, но и от моральных норм, необходимо призвать к мобилизации гражданского общества в процессе воздействия на управленческие структуры.

Понимание коррупции в социально-политическом ключе неизбежно ведет к перераспределению ответственности за деструктивные процессы в государстве, и возложения части этой ответственности на плечи социума. То есть в рамках данной исследовательской модели технология противостояния коррупции рассматривается как двояконаправленное явление, где один вектор связан с деятельностью прокуратуры и органов внутренних дел, а другой – с активной социально-политической позицией каждого отдельно взятого гражданина.

Показательным в рамках данного подхода является понимание коррупции А.И. Кирпичниковым: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает ме-

талл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозийная усталость означает понижение предела его устойчивости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости» [4; С. 17].

В социально-политическом понимании коррупция достаточно давно воспринимается в качестве объективного показателя степени активности или пассивности, сознательности или иррациональности гражданского общества, поскольку действие «железного закона олигархии», напрямую влияющего на нравственное разложение управленческого аппарата, нейтрализуется только эффективным противодействием со стороны гражданских институтов [2; С. 49]. Если же мздоимство, «административный восторг», семейственность становятся социальной нормой, то подобного рода отношения не могут не затронуть и более высокие этажи общественной иерархии, включая государственную власть.

Развитые демократические государства, демонстрирующие многолетний пример укрепления активной гражданской позиции, в ходе своего исторического развития выработали такую модель социально-политического партнерства, которая априори подразумевает укрепление институтов гражданского контроля над деятельностью государственной службы [1; С. 34]. Несмотря на то, что административный сектор явно неохотно «уступает» традиционно государственные сферы влияния, он все же вынужден считаться с конкуренцией со стороны неполитических объединений и организаций. Это, с одной стороны, значительно повышает уровень подотчетности управленческих структур гражданскому сектору, а с другой, способствует росту авторитета и общественного доверия по отношению к правительственный и парламентской деятельности.

Главным аргументом против активизации гражданского сектора в процессе контроля за деятельностью чиновничьего аппарата является признание излишней эмоциональности гражданских отношений, неспособности общества видеть те или иные проблемы управления комплексно, в государственном масштабе.

Признавая весомость подобного рода обвинений, особенно для государств, находящихся в переходном состоянии, где гражданская активизация носит нередко деструктивный характер, принимая порой революционные формы, следует все же констатировать тот факт, что именно гражданские институты, в конечном счете, могут стать ключевым звеном в процессе предупреждения коррупции в государственных структурах различного уровня.

Это объясняется целым рядом причин, главными из которых можно признать следующие:

- гражданский сектор выступает одной из сторон коррупционной деятельности;
- гражданский сектор охватывает гораздо более широкий спектр правоотношений, нежели государственный, и поэтому обладает большим потенциалом в решении проблем противостояния коррупции;

— гражданский сектор гораздо более эффективно способен противостоять распространению коррупции на низовом уровне, поскольку контроль за деятельностью подчиненных регионального эшелона для государственных чиновников высших этажей власти в значительной степени затруднен фактическим незнанием местной специфики.

Однако следует учитывать, что коррупция распространяется и на социальном уровне. Поэтому было бы наивным абсолютизировать роль гражданской сферы в процессе противодействия коррупции. Скорее всего, здесь необходима теснейшая смычка государственных и гражданских сил, заинтересованных в обуздании коррупции. От государства здесь требуется соответствующая нормативная практика, обеспечивающая свободное развитие гражданских инициатив, формирование неправительственных организаций. Становление последних может стать толчком к постепенному конституированию механизмов гражданского контроля за деятельностью административного аппарата, а в последующем — и в устойчивую систему соответствующих институтов.

Литература

1. Барциц И.Н. Противодействие коррупции и модернизация государственного управления: опыт России. – М.: РАНХиГС, 2011. – 62 с.
 2. Богданов И.Я. Коррупция в России. Социально-экономические и правовые аспекты. – М., 2008. – 137 с.
 3. Дорохов Н.И. Некоторые аспекты оценки коррупции как социально-правового явления // Военно-юридический журнал. – 2006. – № 4. – С. 26-32.
 4. Кирпичников А.И. Российская коррупция. – М.: Юрист, 2004. – 480 с.
 5. Роуз-Акерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: пер. с англ. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – 356 с.
-

Коротко об авторах

Лобцова О.В., канд. социол. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета (ЗабГУ)
oxy-pusik@rambler.ru

Научные интересы: проблемы противодействия коррупции в России и мире

Секисов А.Г., д-р техн. наук, профессор, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
oxy-pusik@rambler.ru

Научные интересы: проблемы противодействия коррупции в России и мире

Briefly about the authors

O. Lobtsova, Candidate of Sociological Sciences, associated professor, associate professor, State, Municipal Administration and Politics department, Zabaikalsky State University

Science interests: problems of confronting corruption in Russia and all over the world

A. Sekisov, Doctor of Technical Sciences, Zabaikalsky State University

Science interests: problems of confronting corruption in Russia and all over the world

